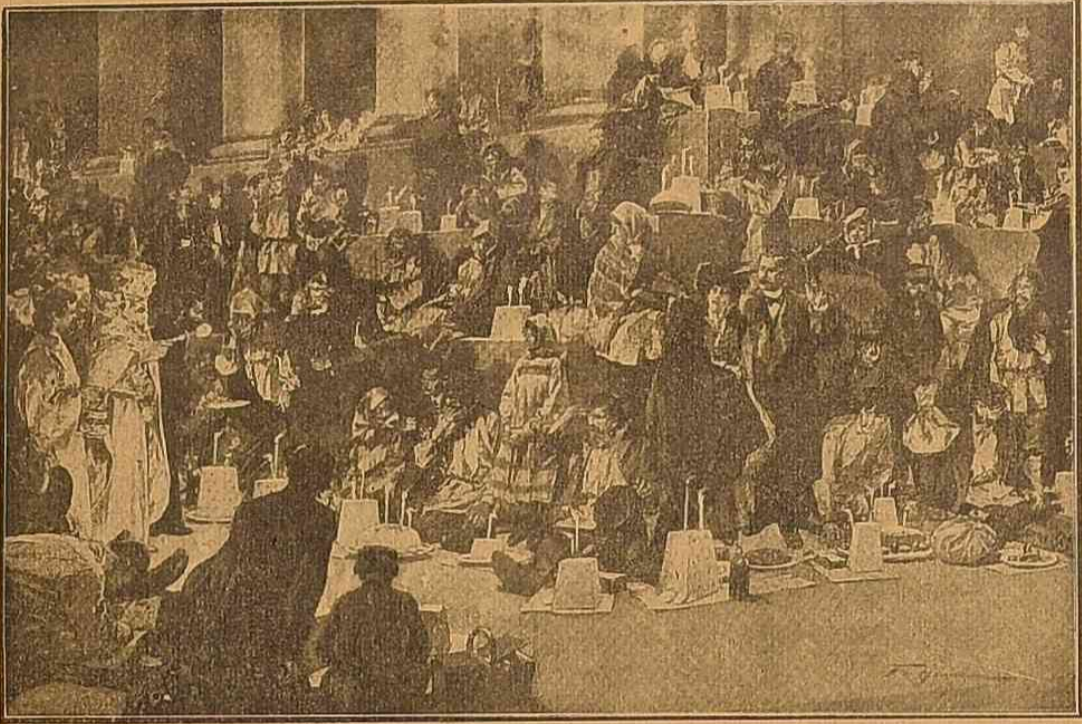

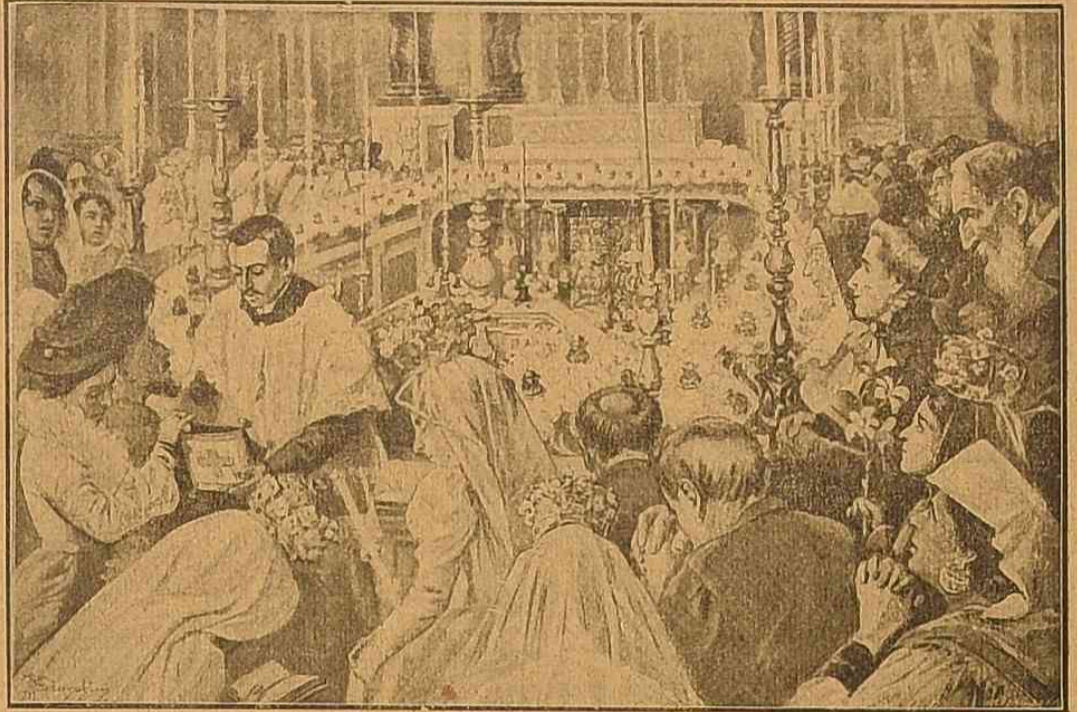
№ 6265.

Воскресенье, 28-го марта 1904 г.

№ 6265.

Освященіе пасокъ и куличей у Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ.

Пасха въ Римѣ.—Въ соборѣ св. Петра.

CUPIO DISSOLVI.

Станислава Пшибышевскаго.

(Окончаніе *).

А, вѣдь, кто, какъ не онъ, былъ болѣе достоинъ счастья. Кому, какъ не ему имен-
(См. Ил. Пр. „Од. Н.“ № 6258.

но,—оно и должно было принадлежать.

Вѣдь все горе, какое только могла вы-
нести человѣческая природа, онъ вынесъ
для того, чтобы добиться наконецъ этого
счастья.

А она... о, она была тогда ангеломъ.
Въ яркой коронѣ золотистыхъ волосъ она

казалась только что сошедшей съ неба, съ
того неба, съ котораго лились на ея го-
ловку долгиہ подѣлуи золотыхъ лучей.

Какъ Головой, освѣщенный своей лю-
бовью, весь въ полнахъ ея аромата, очи-
щенный пламенемъ дорогаго блаженства, къ
тебѣ онъ стремился, тебя жаждалъ познать

—святое преддверіе великаго храма счастья,
любви!

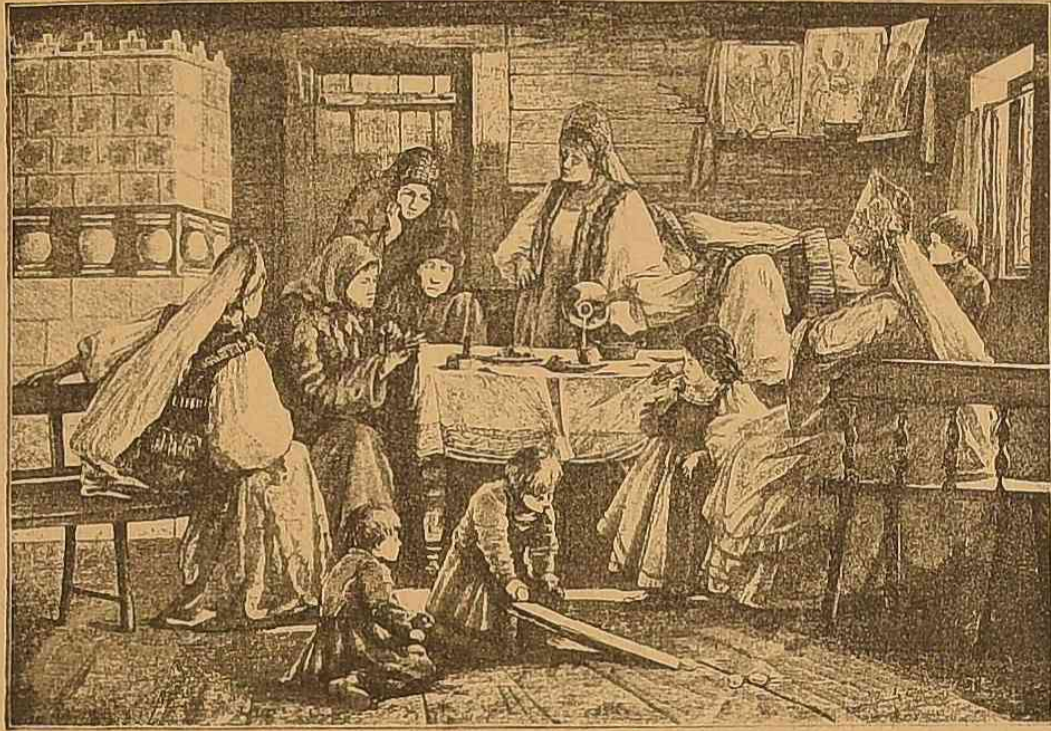
Онъ мнилъ, что, сокрушивъ ея любовью
само небо, онъ изъ обломковъ его соз-
дастъ себѣ царственный тронъ и, возсявъ
на немъ, будетъ попарать своими ногами
землю, а жалкіе люди будутъ лобзать его

Христосованіе царя съ прахомъ предковъ.

Всѣмъ по яичку!

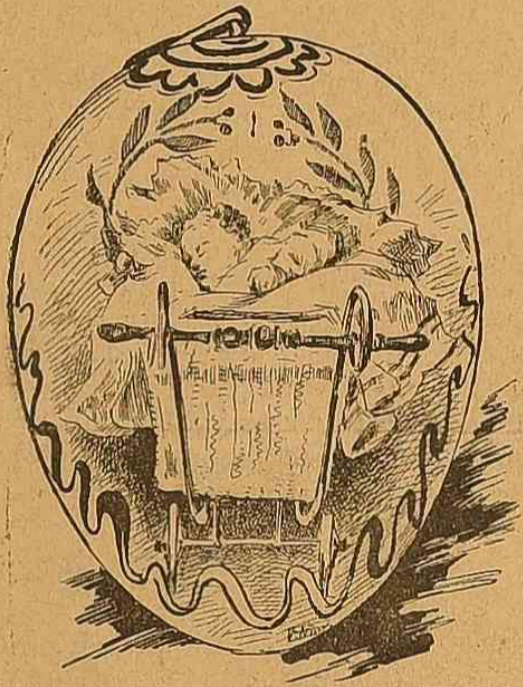
На Пасхѣ въ терему.

ноги и боязливо подбирать крохи отъ его милостей...

Онъ мнилъ, что все это дать ему ея любовь.

Случилось не такъ...

Великій Богъ, куда же скрылась та волшебная сила, что когда то побѣдила ее; вѣтъ больше этой силы, она исчезла въ туманномъ далекѣ.. И потеряна навсегда та, которую онъ такъ любилъ...

Онъ вдругъ почувствовалъ необходимость вымолвить это роковое слово вслухъ, громко, чтобы понять наконецъ весь его смыслъ... И не разъ, не два его вымолвить, а нѣсколько разъ.

Ему казалось, что только тогда, когда это слово ясно и громко прозвучитъ,—только тогда онъ достигнетъ все.

Онъ почувствовалъ все это, и, тѣмъ не менѣе, роковое слово всегачи не срывалось съ его устъ; у него не было силъ переступить, наконецъ, ту грань, за которой все уже ясно.

Онъ подошелъ къ фонарю и склонился измученной головою къ столбу. Холодъ чугуна обжегъ его, и въ это же мгновение онъ ощутилъ, какъ внутри его, на двѣ его души вдругъ всыхнуло яркое, острое пламя, освѣтившее ему все, словно отблескъ багряной зари, загорѣвшейся на небѣ.

Онъ отшатнулся отъ фонаря и вышелъ на самую середину улицы.

Онъ чувствовалъ, что въ мозгу его складывается какое-то огромное, необъяснимое рѣшеніе.

Рѣшеніе—бѣжать, бѣжать, не теряя ни

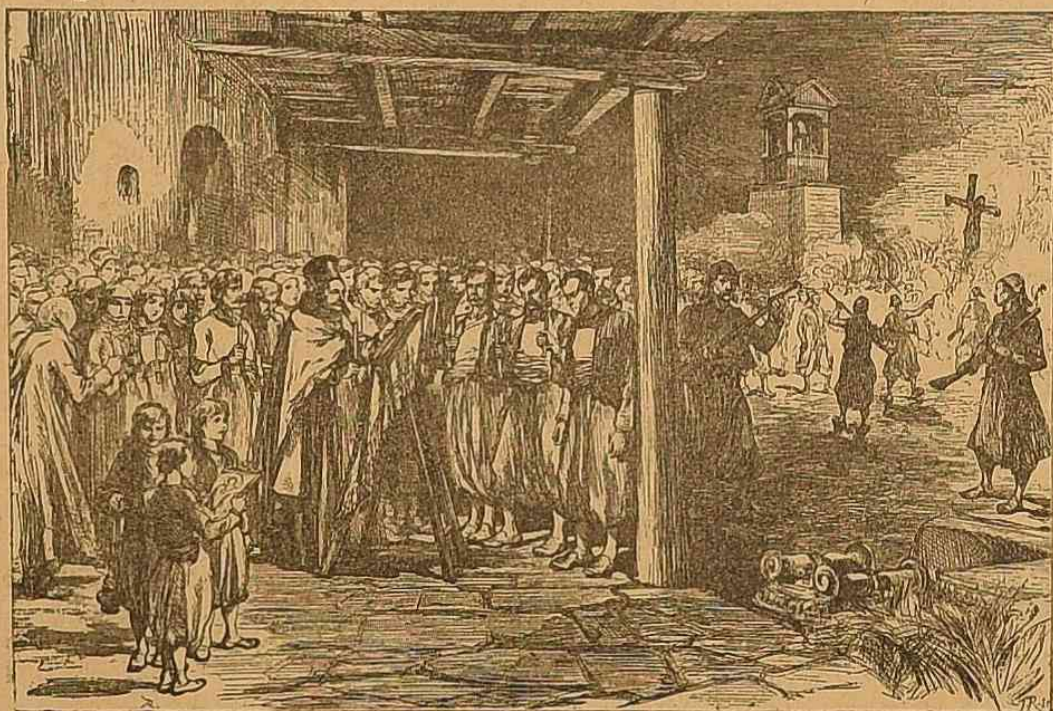
одного мгновенья, на первомъ же попавшемся поѣздѣ.

О! тогда она навѣрное устремится въ погоню за нимъ... да, да!.. въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній...

Ну, а гдѣ она его нагонитъ, тамъ онъ

Пасхальныя игры въ Румыніи.

Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Малой Азіи.—Въ православномъ храмѣ.

Приготовленіе красныхъ яицъ.

и побѣдить ее снова...

Онъ возьметъ тогда ее на руки, и поцелуетъ ее, и покажетъ всей вселенной; затѣмъ, какъ вѣрный песъ, ляжетъ у ногъ ея и покроетъ ихъ горячими лобзаніями...

И въ то же мгновенье, какъ его озарила эта мысль, онъ снова почувствовалъ, что ея уже нѣтъ, и понялъ, что лучшей частью ея сердца вырвана. что—нѣтъ ея—не существуетъ и онъ. И почувствовалъ ему что земля разверзается у его ногъ, а небо надъ головою уходитъ все выше и выше и исчезаетъ въ безконечности...

А за этой мыслью—снова надежда—найти ее, вернуть... да—вернуть...

Звѣзды догорали...

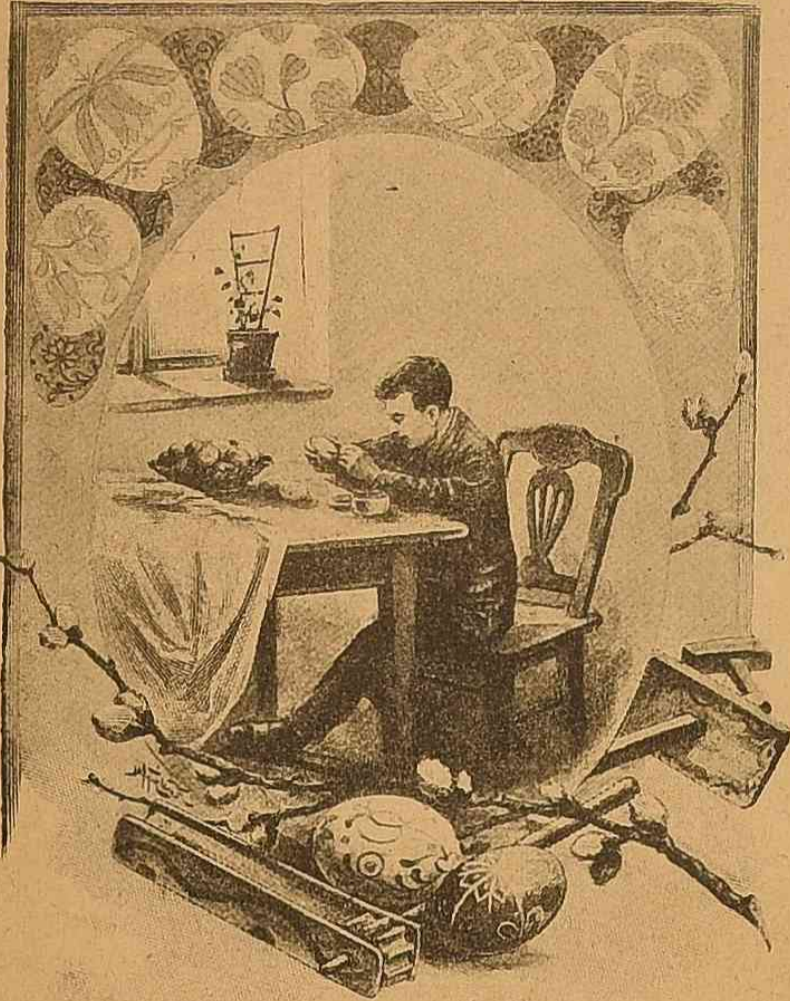

И вотъ онъ, какъ стрѣла, только-что выпущенная изъ лука, устремился въ погоню за поѣздомъ.

Туда и сюда метался онъ въ густой толпѣ людей, толкалъ ихъ, билъ, чувствовалъ, что и самого его тоже бьютъ, и все время слышалъ, что, не отставая ни на шагъ отъ него, за нимъ гонится какое-то мрачное, ужасное чудовище...

Онъ пробѣжалъ уже весь городъ, пробѣжалъ предместье, и ему кажется теперь, что онъ уже видитъ красный глазъ локомотива, видитъ, какъ подмигиваетъ ему этотъ глазъ, похожій на какое-то страшное, адское видѣніе, съ каждымъ мгновеньемъ все приближаясь къ нему... А сзади какой-то загадочный голосъ съ бѣлыми сарказмомъ все твердитъ: напрасно... напрасно... напрасно...

Но онъ не въ силахъ остановиться, ноги

За раскрашиваніемъ яицъ.

его обрѣла волшебную мощь, и онъ летитъ все впередъ и впередъ, почти не касаясь земли.

Сознаніе давно уже оставило его...

Но—странно—онъ безумно счастливъ.

Какой-то вихрь воцарился въ его мозгу, и мысли его то давили туманной тучей, то свивались въ какой-то клубокъ, то разви-

не склонявшаяся женщана.

Ореоль, сотканный изъ солнечныхъ лучей, короной, украшалъ ее голову, и на него лился аромат ея невыразимой святости.

Черезъ два моря она пришла къ нему—два моря преодолѣть надо было для того, чтобы дать ему свою любовь, и она пре-

крутятся, словно дѣти въ веселые дни жатвы среди хоровода взрослыхъ.

Весь міръ утонулъ въ этой дикой вакханаліи.

Въ безконечную темную ленту слались все строснія, встрѣчавшіяся ему по дорогѣ; деревья, подобно волчкамъ, вертелись вокругъ самихъ себя, а земля то словно покрывала его, точно шатромъ, то вновь разстидалась широкой долиной, дрожала и волновалась.

Онъ упалъ, но мигомъ вскочилъ на ноги и снова побѣжалъ,—упалъ опять и, снова вскочивъ, устремился впередъ; и снова на даль, и снова бѣжалъ. Въ эти мгновенья мозгъ его обнималъ всю вселенную и въ то же время что-то жгло его, словно раскаленнымъ желѣзомъ... Ему казалось, что весь міръ рушится и все вокругъ полно грохота распадающейся вселенной... Ему казалось, что огненное кольцо стягивается все тѣснѣе, и вотъ-вотъ оно такъ сдавитъ собою все, что одинъ изъ міровъ разлетится въ осколки, и затопитъ остальные міры моремъ стѣры и пламени, и сольетъ ихъ въ одну непроницаемую, гигантскую массу...

А онъ бѣжалъ и бѣжалъ впередъ, падая въ темнотѣ ночи. Вотъ-вотъ онъ ужъ достигнетъ поѣздъ, безумнымъ взоромъ онъ уже видитъ послѣдній вагонъ, хочетъ уцѣпиться за него и... дико вскрикнувъ, вдругъ падаетъ на рельсы.

Въ волшебномъ ореолѣ лучей божественно-аркаго сіянія склонилась надъ нимъ могучая, гордая, доселѣ ни предъ кѣмъ еще

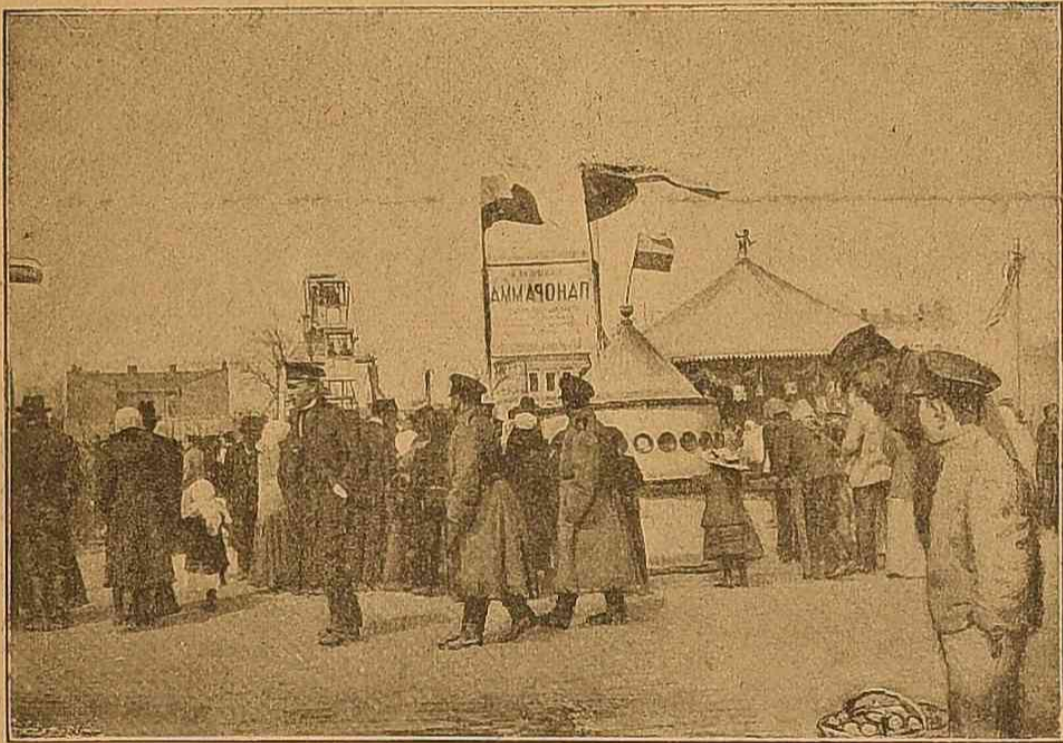
Христось воскресъ!

Это слово было похоже на кружевное облачко, золотилосся въ глубинѣ небесъ подъ солнечными лучами. И оно выросло въ гигантское бирюзовое облако, простиралось огненной волной отъ края и до края, и нѣжно блѣднѣло, почемному меркло... угасало.

Въ полдень случилось это. Жали хлѣбъ какъ разъ въ этотъ день.

Женщины, сидя на завалинкахъ около своихъ домовъ, точили касы.

Толпа ребятшекъ, выбѣжавъ за ворота школы, весело кричала каждому прохожему:

Одесса.—Въ пасхальные дни на Куликовомъ полѣ.

ваются снова, путаются, растягиваются на необозримое пространство и несутся все дальше и дальше. Ему чудится, что молвіи пронзаютъ его сознаніе, стремятся къ нему и исчезаютъ гдѣ-то высоко за гранью облаковъ.

И надъ всей этой дикой вакханаліей мыслей царятъ двѣ новыя, неизвѣстно когда появившіяся фантазіи—плоды измученной души; — онѣ несутся въ огненной пляскѣ,

долбля ихъ.

— Любимый!..

Волшебнымъ, безконечно-дивнымъ аккордомъ звучало это слово...

Это слово звучало, какъ нѣжный всплескъ волны, какъ легкое дыханье золотой арфы. Аккордъ этотъ вознесся въ горнія высоты, разлился оттуда по всему міру и снова долетѣлъ до земли и растворился въ безбрежной гармоніи сферъ.

— Любимый!..

Это слово звучало, словно дождь жемчужный, дождь, въ которомъ вылилось все небо.

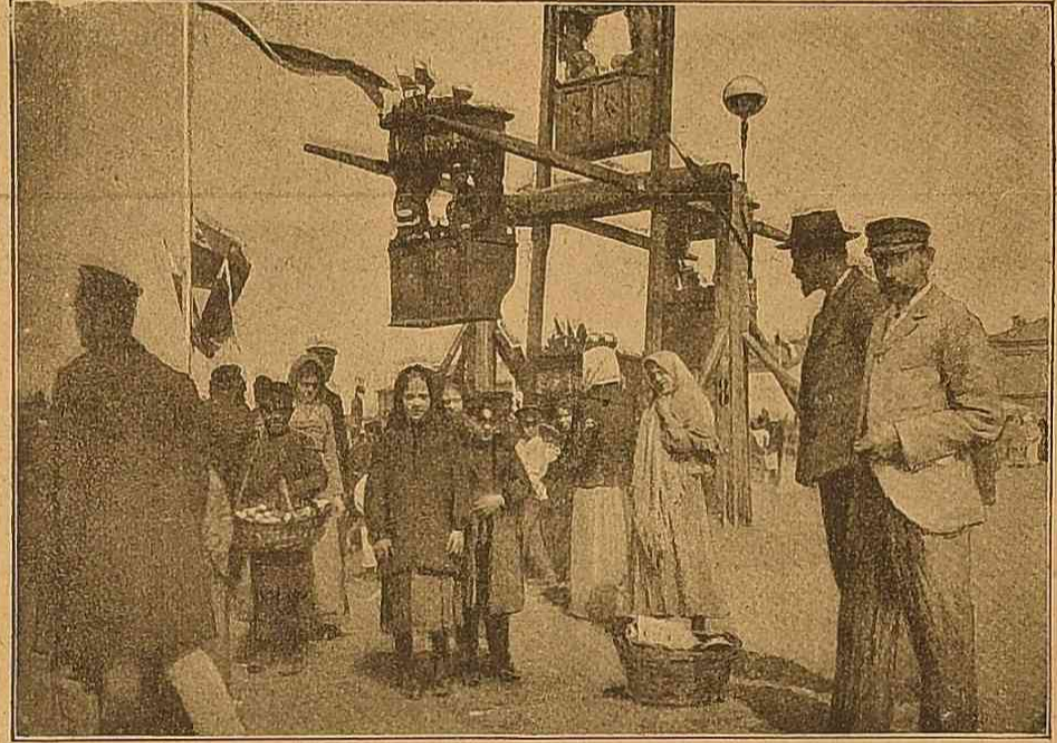
Это слово походило на ласку вѣтра, вдругъ повѣявшаго среди знойной пустыни.

Это слово подобно было блоснѣжному крылу паруса, мелькнувшему, словно серебряная чайка, на чарующей глади волны.

„здравствуйте“. Около кузницы воткнуть въ землю сошникъ. Крестьяне сидятъ и ждутъ, пока не раздастся призывъ къ работѣ. Надъ деревней повисла тяжелая туча и грозитъ смертоносной бурей.

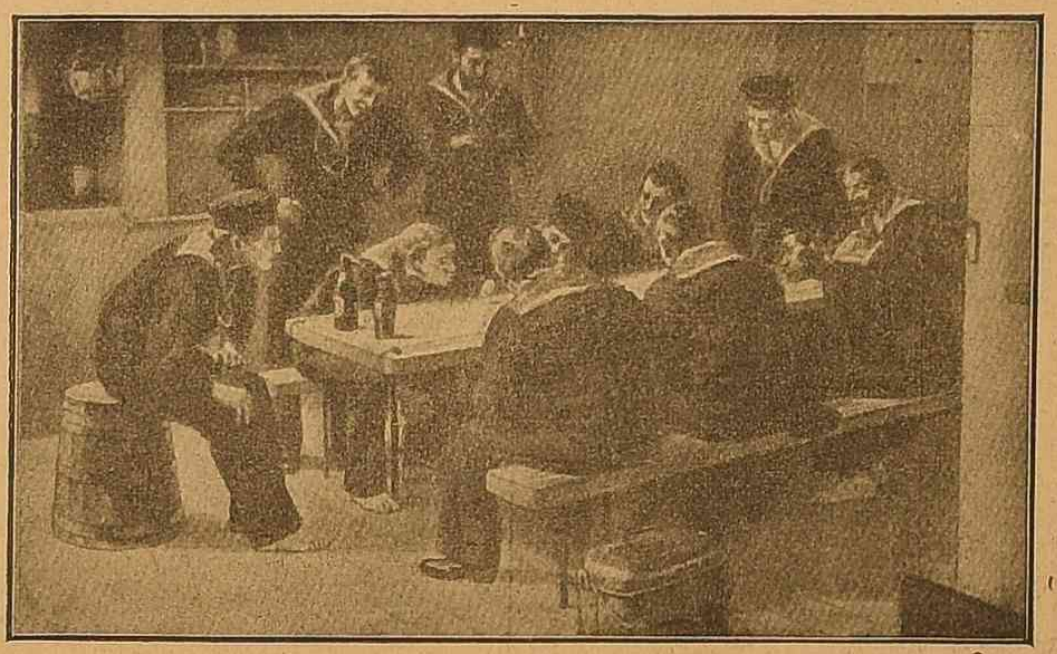
Та буря убила его мать.

... Ему захотѣлось подняться на ноги, встать. Онъ оперся руками о землю... хочеть кривнуть, но силъ не хватаетъ.

Среди офицеровъ.

На англійскомъ военномъ кораблѣ въ Пасху.

Среди матросовъ.

Передъ Пасхой — Потревоженне гнѣздо.

Застонавъ, онъ снова опустился на землю, а въ ухахъ гремѣлъ стонъ изболѣвшаго сердца.

— Да, гдѣ же ты?... гдѣ ты?..

... Безуміе снова овладѣло имъ.

Туча песку пронеслась надъ нимъ, а онъ все кричалъ и кричалъ.

— Да, гдѣ же ты?... гдѣ ты?

Выплылъ серпъ луны. На одномъ изъ роговъ его сидѣлъ сатана, длинный, худой съ уродливымъ лицомъ, похожимъ на козлиную морду.

Сатана игралъ на скрипкѣ.

И аккорды той музыки, каждая нота ея, были похожи на длинную нить, къ концу которой привязанъ острый крючокъ.

Аккорды той музыки, каждая нота ея, походили, казалось, на лесу, которой ловить рыбу. Сатана тотъ хорошо видѣлъ. Каждый крючокъ находилъ свою добычу—однѣмъ впивался въ мозгъ, другой задѣлывалъ за горло, третій вонзался въ грудь.

Всѣ они впивались въ его тѣло, рвали его на клочки... Онъ плавалъ въ собственной крови, озвѣрѣвшій отъ муки, ни подняться не могъ!..

Онъ билъ кулаками землю, царапалъ ее, извивался, какъ въ судорогѣ, а въ ухахъ его, наполняя его сердце смертельнымъ ужасомъ, отдавался все тотъ же собственный его стонъ.

— Да, гдѣ же ты? гдѣ ты?

Вдругъ ему показалось, что вся земля превратилась въ одинъ колоссальный органъ.

Медленно лились волшебные аккорды его, тянулись къ небу, словно какія-то огромныя колонны... цѣлый лѣсъ колоннъ.

Сверху же давилъ на нихъ мрачный, тяжелый куполъ, такой тяжелый, что онъ не могли его сдержать и готовы были съ грохотомъ рушиться!..

Вотъ-вотъ онъ упадутъ на землю!.. вотъ-вотъ осколки мрачнаго купола погребутъ его подъ собою... Еще мгновенье... столбы уже рухнули... куполъ падаетъ!..

Онъ сдѣлалъ нечеловѣческое усилие и вскопчилъ на ноги.

Пасхальные пряники.

(Германскій обычай).

На небѣ свѣтилъ серпъ луны. На одномъ изъ роговъ его сидѣлъ сатана, длинный, худой, съ уродливымъ лицомъ, похожимъ на козлиную морду.

Сатана игралъ на скрипкѣ.

Безстыдно прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, рядомъ съ нимъ сидѣла нагая женщина... это она была, та, которую онъ любилъ.

Ей было весело... она смѣялась... громко смѣялась...

— на говорила:

— Посмотри на меня! Вѣдь это я, та женщина, которая должна была вознаградить тебя за всѣ муки. Это я, твой идеалъ, которому ты угодовалъ жилище въ небѣ. Да, это я — богиня твоей вѣчной тоски.

— Да, да! я—это. Я—любимца сатаны!

Мертвая тишина царила вокругъ... На небѣ загорались первые вѣставки утра.

Первые признаки солнца... счастья...

Сынъ земли, сынъ человѣка, шедшій всю жизнь по крови и трупамъ, онъ—теперь былъ гигантъ.

По его жиламъ кипучимъ ручьемъ бѣжала кровь его жертвъ, голова его была гордо приподнята приливомъ этой крови, мускулы были напряжены и полны неумовленной силы, словно мускулы атлета.

Теперь онъ чувствовалъ себя въ состояніи выполнить задачу человѣчества...

Разсвѣтало все больше и больше... пламя утренней зарни все шире и шире растеклось по небу.

Восходящее свѣтило—это былъ онъ.

Это онъ, онъ впился огненными перстами въ темное небо, это онъ разрушилъ окопы мрака.

Огненные пальцы его разодрали завѣсу темноты, и она исчезла, растворилась въ сивніи дни.

Невинный, ясный, свѣтлый день, уничтожившій мракъ—это онъ!

Съ его чела, изъ его глазъ льются свѣтлые лучи. Это онъ, онъ это—торжествующее, великое свѣтило!..

Наконецъ, онъ узналъ счастье...

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

— Фотографія Вл. Эрманса. —

ОТКРЫТА на уг. Дерibasовской и Ришельевской ул., въ д. Розена.

Всѣмъ заказывающимъ не менѣе дюжины **БЕЗПЛАТНОЙ ПРЕМИИ** карточекъ выдается въ видѣ **10 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ**—заказывающимъ дюжину **кабинетныхъ карточекъ**. **5 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ**—заказывающимъ дюжину **визитныхъ карточекъ**.

Художественное выполненіе большихъ портретовъ.

Желающіе сняться специально для портретовъ за снимокъ не платятъ.

15542—1

— Фотографія Вл. Эрманса. —

